

Гуси-гуси, га-га-га...

Автор:

Владислав Крапивин

Гуси-гуси, га-га-га...

Владислав Петрович Крапивин

Великий Кристалл #2

По жестоким и несправедливым правилам, действующим в государстве, Корнелий Глас должен быть казнен. В ожидании исполнения чудовищного приговора он знакомится с ребятами из тюремного интерната, которые рассказывают ему старинную сказку о легендарной земле, где можно спастись от беды... Поняв, что это не вымысел, Корнелий решает бежать, взяв с собой новых друзей. От Петра, настоятеля древнего Храма, он узнает предание о великих Хранителях вечных Законов Вселенной, учителях и защитниках всего мира. Вера, преданность, надежда и мужество ведут к ним; любовь, ответственность, бесстрашие и самоотверженность ведут от них – чтобы помочь тем, кто остался...

Владислав Крапивин

Гуси-гуси, га-га-га...

Часть первая

Казенный дом

Белая черта

Клавдия выпросила машину и укатила на Побережье. На целый месяц. То есть это Корнелий так объяснял у себя в бюро: выпросила. И все, кажется, верили. Кроме Рибалтера, конечно. Рибалтер же зацвел ехидной улыбочкой:

– Ну-ну. Похлопала тебя по животику и решила: «Лапочка, тебе полезно немножко поездить на монорельсе и походить пешком. А то смотри, котик, где твоя талия...» А?

Привычная пронизательность Рибалтера на сей раз почему-то всерьез разозлила Корнелия. Он бросил в коллегу пластиковым стаканом с карандашами.

– Когда-нибудь доиграешься со своим языком... Безында лысая...

Рибалтер, естественно, ржал, но в глазах мелькнула растерянность. Ругательство «безында» ему, кажется, было незнакомо. А Корнелий и сам не понял, с чего вдруг пришло на ум это бранное словечко школьных времен. Свои ученические годы старший консультант рекламного бюро «Общая радость» Корнелий Глас вспоминал крайне редко. Тоски по «розовому детству» никогда не испытывал. Особенно сейчас, на сорок втором году брэнного существования и почти через четверть века после окончания славного мужского государственного колледжа в благословенном городе Руте.

А монорельс и пешие прогулки – это и в самом деле оказалось неплохо. Через неделю Корнелий стал себя чувствовать моложе и веселее. Потолкаться среди пассажиров, поболтать с попутчиками, пока вагон свистит от Центра до Южного Вала, – одно удовольствие. И дорога от станции к дому – тоже. Ходьбы всего десять минут. Путь идет вдоль заросших остатков древнего крепостного вала, мимо садов и коттеджей (обилие и веселый вид которых свидетельствуют, без сомнения, о стабильности и процветании общества).

В пятницу работу закончили к обеду, и в три часа Корнелий вышел уже из вагона.

День стоял чудесный. Безветренный, ласково-жаркий, настоянный на запахах клумбовых растений. Сады дремали. На плитах тротуара лениво шевелились круглые солнечные пятна. За изгородями журчали влагораспылители. Все было хорошо. И даже когда из боковой аллеи на тротуар выкатились трое растрепанных загорелых пацанят, Корнелий глянул на них без обычного раздражения. Усмехнулся: «У, безынды...»

Самый маленький и тощий мальчишка, расставив руки и ноги, держался внутри широкого голубого обруча (видимо, среза пластиковой бочки), двое других толкали это колесо. Все трое весело вопили. Они проскочили рядом с Корнелием – пришлось посторониться. Он заметил, что один мальчишка – рыжий и щербатый. Но и это не испортило Корнелию настроения, хотя известно, что встретить щербатого и рыжего – не к добру.

Никаких, даже мелких, неприятностей не ожидалось. Наоборот! Впереди два выходных. И то, что Клавдия далеко и будет далеко еще три недели, скажем прямо, тоже неплохо. Сейчас Корнелий придет, поплещется под душем, приготовит земляничный коктейль с иголочками льда, потом повалится в гамаке на террасе и полистает «Всемирную панораму» и «Голос народа», которые достал из ящика утром, но посмотреть не успел. Затем, специально утомившись от послеобеденной жары, он опустит на окнах фильтры «лунный вечер зимой», нагонит кондиционером зябкого воздуха, закутается в плед, включит камин, откупорит бутылочку солоноватого и жгучего «Флибустьера» и сядет смотреть одиннадцатый выпуск сериала «Виль-изгнанник». Показывать будут, видимо, как Виль Горнер после своих приключений на море проник, неузнанный, в родной город, куда ему было запрещено возвращаться под страхом виселицы.

Конечно, чепуха, коммерческая лента. Но ведь смотрится, черт возьми! Как выпуск – так улицы пустеют. Видимо, недостает чего-то нашему благополучному бытию, если так тянет к экранному риску и приключениям... Впрочем, потому и тянет, что они экранные (Корнелий позволял себе иногда такое ироническое философствование). Едва ли кто-то из восхищенных зрителей пожелал бы оказаться сам в лапах святейшего инквизитора или в компании зловеще-галантного пиратского адмирала Луи Тубрандера. И однако же что-то шевелится в душе, когда снова несется из ящика песенка неунывающего Виля и герой очередной раз неутомимо скрещивает звенящую рапиру с дюжиной вражеских клинков.

Может, в каждом из нас, в самой глубине существа, все-таки тайно живет вот такой Виль Горнер? Может, это остатки наследственной памяти, еле слышный голос предков, для которых шпага была привычна, как фломастер для нынешних специалистов рекламного творчества? Или просто хочется «чего попроще», позанятнее? Рибалтер как-то хихикнул: «Все мы не прочь потрепаться о Гамлете, а кино предпочитаем про Робин Гуда...»

Ну и что? Чем он плох, Робин Гуд-то?

Все знают, как делается «видяшка», и все же, когда смотришь, начинаешь верить понемногу, что были славные времена. Такие, когда честное слово было нерушимым, друзья – железными, любовь – горячей и вечной, а смысл жизни состоял в риске и поисках приключений.

Особенно хорошо смотреть и верить, когда сидишь у камина с «Флибустьером» и знаешь – никто не закричит из соседней комнаты: «Лапочка, ты не хочешь помочь мне наладить соковыжималку?!» Никто не усядется напротив и не станет допытываться: «Котик, это и есть Виль Горнер? Но ведь в прошлой серии его играл, кажется, Рене Хмель, а это Рэм Соната!» (и сдерживаешь себя до такой степени, что цветная голограмма экрана делается плоской и черно-белой).

Но сегодня Корнелию ничто не помешает насладиться двухчасовой серией «Изгнанника». Погонями, дуэлями и прочими элементами зрелища, достойного мужчин.

Господа, мы пришли не на танцы!

Будем краткими – время бежит.

Секунданты, разметьте дистанцию

И покрепче забейте пыжи!

Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Ля! Ля! Ля!

С этой бодрой и, безусловно, достойной мужчины киномелодией Корнелий и приблизился к дому.

В двадцати шагах от решетчато-бетонной зеленой изгороди он вскинул над плечом ладонь. Со стороны могло показаться, что это какой-то ритуальный жест. Словно хозяин приветствует свое жилище (и вправду – полностью свое: полтора месяца назад господин Глас выплатил последний взнос за коттедж, участок и гараж!). Но на самом деле Корнелий просто освобождал из манжета и поворачивал к калитке запястье – чтобы уловитель-привратник издали поймал излучение индекса.

Электроника сработала, как всегда, без отказа, глухая калитка с шорохом отошла. И Корнелий Глас неторопливо ступил на свою суверенную территорию. Ласково голубели среди плюща идеально чистые стекла. Цвел шиповник. Над подстриженным газоном искрился миниатюрный фонтан.

Корнелий мельком, через плечо, глянул на почтовый ящик. Просто так, зная, что там пусто. Газеты и журналы пришли утром, а писем ждать было не от кого. Клавдия, если и вспомнит, писать не станет, позвонит. Дочь Алла тоже предпочитает телефон: регулярно дает о себе знать раз в месяц...

Тем не менее за решетчатым оконцем ящика светлела бумага. Корнелий остановился. Тупым, несильным коготком царапнуло беспокойство. Бумага была желтовато-серая, казенная. На такой печатались квитанции, счета, извещения. На такой же листке была оттиснута повестка на сборы муниципальной милиции, которые Корнелий Глас «оттрубил» последний раз два года назад.

Что? Неужели опять? Полтора месяца казармы под начальством какого-нибудь кретина из корпуса уланов! Вроде старшего штатт-капрала Дуго Лобмана. Как он, скотина, тешил свою солдафонскую душу, измываясь над «господами интеллигентами»!

Да ну, чепуха! После сорока уже не призывают... Небось какой-нибудь бюллетень муниципалитета...

Успокоив себя, Корнелий дернул дверцу. Дернул все-таки нервно. Листок скользнул мимо пальцев, упал на серую замшу башмака. Бумага была склеена вдвое. Еще не нагнувшись, Корнелий прочитал единственное жирное слово:

ПРЕДПИСАНИЕ

Присев, он разорвал ленточку. И, медленно выпрямляясь, стал читать...

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... № 43-тр... С прискорбием извещаем Вас, что в связи с нарушением общественного порядка (неправильный переход улицы 12 марта с. г.) Вы были внесены в штрафной список по графе 1/1 000 000 и 8 августа с. г. Машина юридической службы «ЮМ-3» при розыгрыше номеров данного списка указала Ваш индекс УМФ-Х 111344...»

Господи, что за чушь!

Такого не бывает...

Но ведь написано!

Слабея, он прислонился к бетонному столбу калитки.

Да нет, ерунда... Здесь что-то не то. Путаница чья-то...

Листок трепыхался в пальцах, как от ветра. В казенных бумагах не бывает ошибок... Но почему это именно с ним?! С какой стати?!

«...На основании данного выбора Машины, Вы являетесь виновным в совершенном нарушении и подлежите смертной казни, производимой в административном порядке...»

Святые Хранители, да что это такое!..

Ну, в самом деле был случай. Он торопился на вечеринку к Рибалтеру и перебежал улицу Короля Наттона (абсолютно пустую!) чуть в стороне от светофора. И какой-то постовой улан-новобранец, коротышка с надутый

от важности рожей, засвистел, замахал светящейся палкой. Нацелил, идиот, уловитель индекса.

– Господин, задержитесь, вы нарушили!.. Ага, вот ваш индекс, зафиксируем... Получаете, сударь, шансик из миллиона. Немного на первый раз, но советую впредь быть осторожнее. Честь имею...

Корнелий с деланным сокрушением развел руками. И он, и улан прекрасно понимали, что такое на практике миллионный шанс. Не в пример вероятнее казалась гибель от прямого попадания метеорита или редчайшей болезни «африканский волос». О происшествии на перекрестке Корнелий весело рассказал на вечеринке, и все посмеялись. У некоторых было по несколько включений в штрафные списки, и не только в миллионные. Специалист по торговому дизайну Виктор Буга, например, недавно влетел в «сотку» – за то, что на своем «Флюгшифе» наехал на цоколь памятника премьеру Крону. Ну и что – один шанс из ста! Пронесло, разумеется...

Кто-то, зевнув, сказал:

– Все это чепуха. Миллионные списки вообще не рассматриваются. Сколько времени надо, чтобы набрать миллион нарушителей, составить программу...

Знатоки юридических тонкостей возразили, что делается это не так. Просто на диск с миллионом пустых ячеек вносятся врассыпную индексы тех, кто попал в нарушители за последние полгода. А потом лазерный искатель бежит по диску и наугад останавливается на одной из ячеек. Чаще всего, разумеется, на пустой. Лишь несносный Рибалтер похлопал Корнелия по плечу и сказал, что теперь тому будет сниться этот искатель в виде костлявого пальца, который шарит по списку, выискивая индекс человека по фамилии Глас. Корнелия на миг пробрало холодком. Он обругал Рибалтера, трахнул полстакана коньяку и больше о «костлявом искателе» никогда не вспоминал...

И вот...

Да нет же, нет! Наверно, он что-то не понял! Тут не так написано, не про то! И вообще это сон...

«Для вышеупомянутой процедуры Вам надлежит 14 августа с. г. к 10 часам утра явиться в муниципальную тюрьму г. Реттерберга. Перед явкой необходимо принять ванну, побриться, надеть чистое белье. Провожаящим Вас лицам не следует пересекать белую черту, нанесенную на дорожном покрытии в 100 метрах от тюремной зоны.

Урна с Вашим прахом будет доставлена членам Вашей семьи или другим лицам (по указанию) на дом в трехдневный после акции срок. Если Вы одиноки, погребение будет осуществлено в городском колумбарии общего типа за счет муниципалитета...»

Я! Не! хо-чу!

Корнелий, раздирая тонкий тетраклон пиджака, спиной сполз по столбу калитки. Сел в траву. Ноги остро согнулись. На обтянутое брючиной колено села желтая бабочка.

– Я не хочу, – убедительно сказал ей Корнелий. Потом заорал: – Пошла!!

Дернулся, чтобы вскочить, но опять мгновенно ослаб. Затем вспыхнула ослепительная надежда (почти уверенность!), что на листке – совсем не то! Весь этот ужас ему просто показался!

Он вскинул бумагу к лицу.

«...Право наследования автоматически передается ближайшим родственникам, причем распределение имущества между ними производится юридической Машинной в соответствии с существующим законодательством. Если Вы не имеете родственников, можете распорядиться имуществом при Вашей регистрации по прибытии в муниципальную тюрьму.

Муниципалитет предупреждает Вас, что при неявке в тюрьму и попытке уклониться от предписанной акции Вы будете доставлены под конвоем и подвергнуты казни по уголовному разряду в соответствии со статьей 100/3 действующего законодательства. В этом случае Ваше имущество подлежит

конфискации и родственники лишаются права наследования».

И все. Больше ни слова. Ни лазейки, ни крошечной щелочки для надежды. Никакой зацепочки. Фиолетовая печать юридического отдела муниципалитета, витиеватый росчерк делопроизводителя.

Но не может же быть, чтобы все это вправду... А, вот в чем дело! Это не ему! Почта перепутала ящик!

Корнелий метнулся глазами к началу «Предписания».

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... С прискорбием извещаем Вас, что...»

Желтая бабочка все кружилась неподалеку, и Корнелий всем нутром своим ощутил, насколько же она счастливее его... В школе учили, кажется, что бабочки живут совсем недолго. И все-таки эта будет, наверно, еще летать, когда его, Корнелия, уже...

«О-о-о-о...» – тяжкий, выматывающий, все заглушающий страх рухнул вязким грузом. Корнелий упал ничком. Тут же стал на четвереньки, и его стошнило.

С минуту он стоял так, поматывая головой... и чувствуя, что становится легче. Спокойнее как-то.

Опасливо прислушиваясь к себе, Корнелий медленно встал. Страх и правда ослабел. Но Корнелий был уже совсем другой. И другими глазами смотрел на все вокруг...

Загребая башмаками траву, он пошел в дом. Двери из рифленого стекла, как всегда, предупредительно разошлись. Корнелий удивленно и горестно замер на крыльце. Как? Разве он еще хозяин здесь? И этот светло-серый дом с террасой, с высокой финской крышей под искусственной оранжевой черепицей – его? И электроника по-прежнему послушна ему?

Ах да! Ведь в тюрьму для «вышеупомянутой процедуры» ему надо идти только завтра. А сегодня... Да! Сегодня (ха-ха-ха!) он, Корнелий Глас, еще полноценный и полноправный член общества. Индекс его не заблокирован. Можно собрать сослуживцев с Рибалтером во главе и, не заботясь о сбережениях (на последний вечер хватит!), устроить в шикарном подвале «Под зеленой башней» прощальный пир. Или, наоборот, в одиночку отправиться бродить по улицам, заходя в кафе, в киноавтоматы, присаживаясь у стоек открытых баров и вообще «срывая цветы удовольствия» вечернего города...

Корнелий, медленно переставляя ноги, вошел в гостиную и упал вниз лицом на диван, который глубоко подался под ним ласковой пушистой мякотью. Как любил Корнелий бухаться на этот диван, приходя с работы! Раньше...

Он лежал, зарываясь лицом в шелковистую шкуру обивки, а мысли бежали без перерыва, сами по себе.

Да, сегодня он все может. Будто и нет на нем смертного клейма! Может развлекаться, шуметь, смотреть «Виля-изгнанника», трепаться по телефону, делать коктейли, взять напрокат машину и поехать на пляжи Лунного озера. Одного не может «г-н Корнелий Глас из Руты» – сбежать, исчезнуть, спастись. Если завтра в десять часов утра он не отдаст себя в руки исполнителей закона, по всей стране включатся могучие «уши». Вездесущие локаторы юридической службы. У них уловители индексов – не то что у калитки или, скажем, кассовых автоматов. «Уши» чувствуют излучение за много миль. И корпус уланов – постоянно на страже, эти ребята свое дело знают.

Да и куда бежать? За границу? Но пограничным постам наверняка известны заранее индексы тех, кого не следует выпускать из самого счастливого на планете государства.

...О, индексы! Величайшее изобретение, положившее начало эре стабильности!

Сперва были просто браслеты с излучателями. Хочешь – носи, хочешь – сними и спрячь. Потом браслеты стали обязательными. И никто не возражал, кроме небольших групп экстремистов, привычно вопящих о свободе личности (такие находятся во все времена во всякой стране, когда речь заходит о всеобщем благе). А лет за тридцать до рождения Корнелия Гласа вместо браслетов была

введена всеобщая индексикация. Новорожденному вводили в левое запястье раствор стимулятора. Эта чудесная жидкость (о ней первое время даже поэмы писали!) вступала в контакт с организмом и вызывала постоянное биоизлучение. Причем характеристика излучения у каждого человека была неповторима, как рисунок на коже пальцев.

«Борцы за свободу личности» опять подняли крик, и, уступая им, демократическое правительство объявило, что каждая семья сама вправе решать: делать ребенку индексикацию или снабдить его браслетом. Но вскоре об этом решении просто-напросто забыли. Родителей, не согласных с индексикацией, было столь ничтожное число, что не стоило их принимать во внимание. А со временем они перевелись вообще.

Да и какой нормальный человек станет спорить с собственным счастьем и счастьем детей. Индекс – это основа жизни. Это сумма изначального обеспечения и государственной страховки, положенная тебе от рождения. Это постоянный медицинский контроль. Это ненужность всяких документов. У каждого носителя индекса есть в Центральном государственном информатории персональный диск, на котором записано об этом человеке абсолютно все: от группы крови и оценок за каждый класс школы до любимого блюда и уровня контактности с окружающими.

Ты поступаешь на службу, и электронный контролер кадров за доли секунды набирает о тебе сумму сведений и сообщает – годишься или нет. И, если не годишься, дает совет, куда с твоими способностями лучше пойти. Если, не дай Бог, ты попадаешь в больницу из-за простуды, автокатастрофы или неумеренного возлияния, врач в мгновение ока узнает всю твою медицинскую подноготную и во всеоружии принимается за бесплатный квалифицированный ремонт. Если заказываешь в баре «У тетушки» фужер «Калейдоскопа» с мятым трюфелем, кассовый автомат сам вычитает из записанной на диске твоей наличности нужную сумму – без всяких пошлых чаевых и возни с бумажками и медяками...

А могучие нейроэлектронные мозги Всеобщего административного Контроля и Управления по наблюдению за лояльностью неусыпно варят свои государственные мысли, чтобы каждый гражданин Западной Федерации мог занять в жизни место, достойное своих знаний, трудолюбия и склонностей. Ибо нет ничего важнее устройства счастливых человеческих судеб...

К нынешнему времени без живых индексов, со старомодными браслетами-излучателями, остались лишь старцы, помнившие эпоху так называемой «Космической революции и всеобщего прогресса».

В детские годы Корнелия понятие «прогресс» все чаще заменялось термином «стабильность». Стабильность во всем – в экономике, в семейной жизни, в технике, в характерах, в науке, в деловито-бодрой работе и в неизменно веселом разнообразии отдыха. Человек рождается на свет единожды и вправе прожить свой век без потрясений и с минимальным числом печальных дней.

Стабильность становилась основой бытия. О ней писали как о средстве от всех несчастий. Это слово дети слышали намного раньше, чем начинали понимать во всей полноте. И однажды четвероклассник Корнелий спросил:

– Папа, а все-таки что такое стабильность?

– Это очень просто. Это значит – твердое постоянство, – с готовностью откликнулся отец. – Вот возьмем пример из аптечно-медицинской практики. Если проявить неточность, то...

Шеф-наладчик строгих провизорских автоматов, он во время работы вынужден был молчать, чтобы не отвлекаться, и потому любил порассуждать в семейном кругу.

Корнелий – мальчик покладистый и терпеливый – выслушал пространные объяснения с должным выражением внимания. И под конец узнал, что недавно в журнале «Орбита быта» группа каких-то явных шизофреников из Национальной Академии выступила с открытым письмом, где утверждала, что стабильность в нашем обществе противопоставляется идеям научного развития и ведет к всеобщей энтропии...

Это сообщение папы – тридцатидвухлетнего провизора-электронщика и потомственного интеллигента – Корнелий не понял совершенно. А тут еще вмешалась мама:

– Да провались оно, это научное развитие! Мало нам еще, да? Едва не довели Планету до цепной реакции...

Что такое цепная реакция, Корнелий, конечно, знал. Но в тот момент слова эти вызвали у него не картину всепланетного взрыва, а воспоминание о недавнем горестном событии в школе.

Перед уроками, когда многие уже собрались в классе, Пальчик сказал:

– Дыня, давай проверим твою реакцию. С цепочкой. Хочешь?

Дыня – это была кличка Корнелия. Никакого испытания реакции Дыня, разумеется, не хотел. За ласково-уменьшительным прозвищем Пальчика крылась зловещая сущность. Как и за его обманчивой внешностью. У Пальчика было чистенькое лицо, кукольные голубые глазки и крошечный, похожий на сосок, рот. Этим ртом, красным и мокрым, он часто причмокивал, будто целовал воздух. Причмокивал перед тем, как сделать кому-нибудь гадость. А сделав ее, он как-то не по-мальчишечьи хихикал – будто выталкивал выдохами шарики липкого нечистого воздуха:

– Х-хё, х-хё, х-хё...

Но Пальчик был не только гад. Он был еще и самый главный в классе. Потому что его боялись.

А Корнелий по кличке Дыня был «муля».

Муля – это личность, которую все шпыняют и презирают. Это самый затюканный человек в классе, козел отпущения. Становились мулями обычно те, кто при стычках с одноклассниками не умел дать сдачи. Боязливость не прощалась. Так же, как не прощались и некоторые другие качества: чрезмерная начитанность, излишнее послушание перед учителями и неумение прыгать через гимнастического «верблюда». Традиции и нравы в государственном мужском колледже города Руты оставались незыблемыми в течение десятилетий.

Корнелий Глас, на свою беду, был не только боязлив, но и кругловат (недаром Дыня). Впрочем, ни боязливость его, ни упитанность, ни мешковатость на уроках гимнастики не были чрезмерными. При каких-то иных колебаниях судьбы Корнелий вполне мог остаться в школе равным среди равных. Но во втором классе в потасовке с Эдиком Кабанчиком он не выдержал и, хлюпая

расквашенным носом, разревелся да еще (хватило же ума!) пообещал сквозь слезы «рассказать мадам Каролине, как ты, Кабан вонючий, первый ко всем лезешь». Немедленно был он лишен всякого сочувствия и удостоился позорной песенки:

Муля-дуля, паровоз,

В голове один навоз...

И началась жизнь изгоя. Особенно тяжело стало в четвертом классе, когда там появился и взял в крепкие руки власть безжалостный Пальчик...

Сейчас Пальчик в упор глядел на Дыню фаянсово-голубыми глазками и наматывал на мизинец тонкую цепочку с амулетом – отлитым из желтого сплава кулачком с вытянутым указательным пальцем. Согласия на эксперимент он и не ждал, все решил сам.

Зрители стали кружком. Пальчик сел на пол, раскинув ноги, напустил перед собой из баллончика детской клизмы лужицу (кто-то захихикал).

– Ш-ша, дети, – сказал Пальчик. – Дайте губку. Дыня будет вытирать ею воду, а я щелкать его цепочкой по руке. Если с пяти раз вытрет – меняемся местами. Такая игра, на быстроту.

Дыне куда деваться? Криво улыбаясь, взял губку, которой с доски стирали надписи. Сел на корточки. Лужица была всего размером с блюдце. А губка – большая. Дыня примерился, все затихли. Дыня сделал обманное движение, цепочка свистнула, ударила об пол, а Дыня одним махом размазал воду в длинную полосу.

– Молодец, – сказал Пальчик. – Жми дальше.

При второй попытке цепочка скользнула по обшлагоу. Через двойную ткань – почти не больно. Дыня осмелел и в третий раз прозевал: стальные колечки рассекли на запястье кожу. Корнелий взвизгнул, бросил губку, прижал ссадину к губам.

– А ты как думал? – серьезно произнес Пальчик. – Риск есть риск. Все по-честному.

Корнелий стиснул зубы, сощурил мокрые глаза и двумя рывками крепко растер воду по паркету. И прижал руку к животу, потому что на тыльной стороне ладони алели еще две полоски.

– Не вышло! – вопили послушные Пальчику болельщики. – Не насухо вытер!

– Ш-ша, – оборвал Пальчик. – Вытер нормально. Надо по справедливости. Теперь я...

Они поменялись местами. Снова появилась лужица.

– Лейте больше, – распорядился Пальчик. – Мне все равно. А ты, Дыня, лупи от души, не бойся, я злиться не буду. Я одним движением затру. Не верите? Спорим. Если не получится, дарю тебе, Дыня, цепочку с кулаком!

Корнелий сидел, раскинув ноги, вода блестела у него между развернутых коленей. Рука болела так, что Дыня забыл про осторожность и готовился врезать цепочкой по кисти Пальчика от души. Крепко сжимал в ладони металлический кулачок.

– Э, постой, – добродушно сказал Пальчик. – Ноги-то сделай пошире. Вот так... – Он деловито взял Корнелия за щиколотки и вдруг сильно рванул на себя.

Дыня, запрокинувшись, проехал по паркету и, размазав воду собственным задом, стукнулся об пол затылком.

Пальчик встал над ним, отряхивая ладони.

– Видели? Вытер одним движением. Скажете, не честно?

Все радостно завопили, что честно. Ура Пальчику!

Из последних сил давя в себе слезы, Корнелий встал. Не сдержал злости, швырнул цепочку с амулетом в грудь Пальчику. Но тот не стал его бить за это,

сказал великодушно:

– Ничего, Дыня, не переживай. Лучше иди, посуши штанишки.

На Корнелии были новенькие, первый раз надетые брюки – в точности как у Джимми Макферсона из кино «Стрелки' желтой прерии». Из толстого, с бронзовым отливом, вельвета, с витым поясом и чеканными пряжками на широких кожаных помочах. Корнелий наивно надеялся, что этот мужественный наряд в какой-то степени повысит его авторитет. А что получилось! Толстая ткань будет сырой целый день, а сосед по парте Юлька Сачок на каждом уроке станет поднимать руку:

– Господин учитель, пусть Корнелий Глас выйдет, а то под ним почему-то мокро...

Представив это, Корнелий не выдержал и все-таки заплакал...

Господи, почему опять вспоминается школьное время? Какой теперь в этом смысл?.. И в бюро сегодня отчего-то вспомнилось ругательство детских времен... Может, неспроста? Может, был в этом какой-то зловещий намек?.. И эти трое мальчишек на дороге, причем один – рыжий и щербатый!

Не все ли равно теперь?

Теперь вообще ничто не имеет значения.

«Святые Хранители, за что же это мне? Чем я хуже других?»

Корнелий всхлипнул, оторвал от душного дивана лицо. Понял, что в свесившейся с дивана руке все еще держит листок-предписание. Дернулся от новой нелепой надежды, что все приснилось, и опять кинулся читать.

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... С прискорбием извещаем Вас...»

«С прискорбием»! Сволочи! Они будут жить, жрать, пить, гоготать над анекдотами, а он...

По какому праву?!

Корнелий сел, уперся кулаками в диван. В зеркале напротив увидел свое дикое мокрое лицо. Зажмурился.

Под зеркалом затрещал телефон. Опять с какой-то дикой надеждой Корнелий бросился к аппарату, схватил трубку.

– Ну, как настроение? – спросил хихикающий голос Рибалтера. – Успокоился? Или снова будешь бросаться стак...

– Пошел к черту, гадина! – взревел Корнелий и рванул из стены шнур. И обмер, осознав, что порвал первую нить из тех, которые связывают его с жизнью.

Но он не хотел рвать!

Это его жизнь! Кто имеет право ее отобрать?!

А может, попробовать на прокатной машине с разгона прорваться через пограничный кордон? Как в кино «Резидент уходит навсегда»!..

Но в сопредельном Юр-Тогосе та же система индексов. И кроме того, Корнелий Глас никак не тянет на роль политэмигранта. А что касается простых беженцев и уголовных преступников, то есть международная конвенция о выдаче...

Вот именно, «уголовных преступников»... Если он попытается бежать, в этот разряд его и занесут. То, что конфискуют имущество и дом, – наплевать. И у Клавдии, и у дочери есть свои накопления, они женщины многоумудрые. Но если его схватят (а все равно схватят!) – казнь по уголовному разряду.

Эту жуткую процедуру Корнелий видел на экране. В гулком бетонном зале осужденного со скованными руками и завязанными глазами ставят на колени у края квадратной ямы, в глубине которой торчит лента транспортера. Из динамика раскатисто звучат слова приговора, а затем – назидание всем видящим эту сцену и краткая молитва. Выстраивается шеренга улан – в масках

и с черными траурными повязками на рукавах парадных малиновых мундиров. Гремит оглушительный и дымный залп карабинов. И то, что секунду назад было человеком, валится в яму, транспортер уносит останки в адский зев крематория (зев этот был показан во весь экран)...

Правда, передача была не документальная, а серия фильма «Дороги неправых», но знатоки утверждали, что все показано с полнейшей точностью...

А с «административными» как? Говорят, что безболезненно и почти незаметно. Пилюля там какая-то или еще что-то подобное. Потому что «административный» – он ведь в общем-то и не виноват. Он по жребия расплачивается за крошечные нарушения и недосмотры многих тысяч беззаботных сограждан. Один – в поучительный пример многим.

Но почему этот один – именно он, Корнелий Глас, которому так славно жилось на Планете до недавнего часа? Который никому не хотел зла?

Корнелий замычал и опять почувствовал тяжелую тошноту. Кинулся в туалет. Оттуда вышел через несколько минут, измученный и почти примирившийся с неизбежным. Он так ослабел, будто осталась от него одна оболочка. Хватаясь за косяки, побрел в гостиную, где, как алтарь, возвышалась «Регина» – могучая установка со стереоэкраном высшего класса – предмет открытой зависти ехидного Рибалтера. Бухнулся в кресло – такое же ласково-податливое, как диван. Тихонько заплакал – такое родное было кресло, будто живое существо. Сколько вечеров он провел в нем перед экраном... А сегодня – последний...

А если разобраться – какая разница: сегодня или потом? Все равно какой-нибудь вечер был бы последним. Может, оно и лучше, что вот так, сразу, без всяких затяжных болезней и притворного сочувствия Клавдии, дочери и сослуживцев?

А почему притворного?.. «Ладно, не валяй дурака, – сумрачно сказал себе Корнелий, – хотя бы сейчас...»

Любил ли он Клавдию? Ну, наверно, вначале – да... Хотя, по правде говоря, женитьба была не столько из-за пылких чувств, сколько из-за желания иметь уютный угол с хозяйкой... Ну и что? Жили не хуже других. Как положено, появилось дитя, Клавдия назвала дочку Аллой. Корнелий некоторое время

умилялся, таскал на руках мокро-розового младенца, подавляя порой крепкую досаду от излишней крикливости чада. Но потом вдруг поймал себя на мысли, что так до конца и не проникся ощущением, что эта девочка – его дочь. Он, конечно, тревожился во время ее младенческих хворей, случалось, проверял оценки, когда пошла в школу. Но Алла, очень скоро ставшая маленькой копией мамы, относилась к отцу с той же ноткой снисходительности, что и Клавдия к мужу. В семь лет она впервые, следом за матерью, назвала Корнелия Котиком. Корнелий пожал плечами и с минутной грустью подумал, что его отцовские обязанности, пожалуй, окончены.

Далее все пошло очень быстро. Алла стремительно превратилась в неотличимую от других современно-стандартных красоток девицу (на улице он ее и не узнал бы), окончила курсы младших сотрудников при газетном концерне «Либерийум» и с первым мужем укатила в приморский Нейгафен. Там скоропалительно вышла замуж второй раз – кажется, за органиста из какого-то оркестра.

Клавдия все это восприняла как должное, Корнелий следом за ней – тоже.

– Теперь, в конце концов, мы можем пожить и для себя, – сказала ему Клавдия.

Корнелий кивнул. Он никогда не спорил с женой. И не повышал голоса, даже если к горлу подкатывало тяжкое раздражение. Не потому, что щадил тонкую натуру супруги (какая холера с ней сделается?), а интуитивно берег собственный спокойный настрой. Психанешь на две минуты, а потомходишь в «мирное русло» целый час. Это ведь не на службе, где полаялся с Рибалтером, а через пять минут с ним же травишь анекдоты или сговариваешься заглянуть вечером в приятное заведение «мадам Лизы».

Что касается «жизни для себя», то Корнелий и так был занят этим на сто процентов. Не для Клавдии же, в конце концов, и не для преподобной красавицы Аллы вкалывал он в своем рекламбюро над сверхурочными заказами, копил валюту для взносов за этот дом. Клавдии говорил: «К черту эти поездки на Юг... То есть отправляйся, если хочется, а я закончу комплекс витрин для «Музыкальных джунглей». Клавдия чмокала его ниже уха: «Ты у меня умница. Ты у меня добрый...»

А он был не умница и не добрый, а просто домосед по натуре. И свободное, без Клавдии, бытие в своем доме почитал за лучший отдых. А мир, который многие любят наблюдать из окна туристского автобуса, ничуть не хуже выглядел на стереоэкране...

Но скоро, совсем скоро ничего не будет! Ни экрана, ни мира, ни даже Клавдии!..

Однако эта мысль, толкнувшись в сознании, не вызвала прежнего отчаяния. Видно, мозг был так вымотан недавней тоской и ужасом, что уже не отзывался эхом на неотвратимое и страшное.

Корнелий устало подивился собственному равнодушию и глянул на часы.

Что? С момента, как он увидел в ящике предписание, прошло всего сорок минут?

Целый век прошел! Потому что сейчас в кресле сидел совсем иной Корнелий. Передумавший гору непосильных мыслей, прошедший через отчаяние, изнуряющий страх, горькое отречение от жизни и примирение с безжалостной судьбой...

По-прежнему палило сквозь окна солнце. Свесившейся с подлокотника рукой Корнелий повел по краю низкого пульта. Двинул рычажок. Голубые фильтры «лунный вечер зимой» послушно заслонили Корнелия от знойного августа. Еще движение пальца – и загудел кондиционер. Все было под рукой, все было послушно. «Можно жить, не вставая из кресла», – говорил иногда Корнелий и с удовольствием нащупывал кнопку включения «Регины».

...Только чтобы отменить, отключить завтрашнее, никакой кнопки не найдешь...

Боясь, что эта мысль вернет прежний ужас, Корнелий зашарил пальцами с другой стороны кресла. Опустилась крышка низкого бара. Под руку попала тяжелая квадратная бутылка. «Дракон». Жгучий концентрат для «мужских» коктейлей. Прекрасно!

Крепкими зубами (Корнелий так гордился ими! Где они будут завтра?) он вырвал высокую пробку, сплюнул сургуч. Приложил горлышко к губам. Небо, язык и миндалины обожгло. Горячий ток пошел до пяток. Вот так! Еще... И пусть все катится в преисподнюю. Как там говорил шутник-проповедник из фильма «Береговое братство»? «Крематорий хорош хотя бы тем, что это не самое холодное место на Планете...» Ха-ха...

Ощущение ожога прошло, а бодрость (хотя и слабенькая, нервная) осталась.

Ставя бутылку, Корнелий тыльной стороной ладони задел твердый переплет какой-то книги. Клавдия вечно сует в бар что попало!.. Ба, да это семейный альбом! Тут наверняка очередная проделка судьбы. Символическое совпадение: вспомни, мол, Корнелий Глас, напоследок всю свою жизнь. Простись...

А он не будет! Черта с два! Не будет, вот и все!..

Хотя почему? Это даже любопытно. И вообще... «Кончать надо достойно». Кажется, именно так говорил в прошлой серии капитан Буйтешлер, храбрый соперник Виля-изгнанника?

Да. И Корнелий тоже... достойно. В последние часы надо это самое... оставаться личностью.

Черт, а внутри в самом деле настоящее пекло. Никогда он не глотал чистого «Дракона». «Х-хё, х-хё, х-хё», – как любил смеяться симпатичный Пальчик... Тьфу, опять лезут в башку воспоминания. Впрочем, это естественно. «Вся жизнь пронеслась перед его внутренним взором...» В альбоме тоже вся жизнь. Благодаря стараниям Клавдии...

Вот – родители... Они ушли в лучший мир почти одновременно, десять лет назад... (А может, он в самом деле есть, лучший мир? Скоро узнаем... Х-хё, х-хё, х-хё...) Корнелий погоревал об отце и матери, но, по правде говоря, он даже в детские годы не был привязан к ним слишком сильно. По странностям своего характера Корнелий напоминал кошку, которая, говорят, привязывается не столько к людям, сколько к месту, где живет. По родному своему дому (трехкомнатной квартире в двухэтажном казенном коттедже на Старолужской улице) он отчаянно тосковал, если его отправляли на школьную загородную дачу или в летний пансионат («Мадам Каролина, а муля, то есть Корнелий Глас,

вечером опять ревел в подушку!»). Но почти не скучал по родителям, когда те уезжали куда-нибудь, оставляя сына с покладистой, добродушной соседкой.

Может, с той поры и завелась у Корнелия мечта о собственном и удобном доме как о главной цели жизни? Может, потому для него это кресло роднее, чем Клавдия? (Х-хё, х-хё, х-хё...)

А вот он сам на карточке! Четвероклассник Корнелий Глас, в тех самых злополучных штанах с медными пряжками в виде скрещенных револьверов. Штаны, только что купленные, еще не оскверненные подлой шуткой гнусного Пальчика...

А может, это и не Корнелий? В самом деле, какое-то круглолицее лупоглазое существо ростом чуть выше старого резного стула, у которого оно стоит!.. Где тот стул? И где тот четвероклассник? В нынешнем Корнелии от этого пухлого, приоткрывшего рот мальчика не осталось ни одного атома – в силу известного круговорота веществ. А если так, то какой смысл в таких снимках и воспоминаниях?

Он никогда не понимал тех, кто умилялся школьными годами. Что в них, в этих годах? Обиды, унижения, страх перед плохой отметкой, «трясучка» перед экзаменами, полное бесправие в жизни. И смутная, полустертая, но не исчезающая насовсем память о предательстве из-за вечной своей трусости...

Господи, да что он, хуже других был? Хуже этой сволочи Пальчика или его вечного адъютанта Гуки Клапана? Оба давно уже прошли по уголовному разряду за грабежи с утонченным зверством. Оба кончили век в бетонном подвале (трах! – синий дым, стук тела, кряхтенье поднатужившегося транспортера). Не спас их «последний шанс» (кажется, один из двадцати четырех), который после приговора суда милостиво назначает осужденным юридическая Машина.

Она, Машина-то, не лишена гуманности: в нее специальный блок вставлен. Даже самому отпетому злодею, приговоренному людским судом к высшей каре, дает проблеск надежды. Хоть крохотный, но дает. И, говорят, в этом случае осужденный сам перед казнью последний раз испытывает судьбу: тянет из назначенного числа билетиков один. Трясущейся рукой (Корнелий видел это на экране) человек шарит среди бумажных трубочек, положенных в уланскую

фуражку, с отчаянным упованием на спасительное чудо.

Увы, такая надежда – лишь для уголовников. У «административного» Корнелия не будет ее. У него и без того было огромное число счастливых шансов – целый миллион без одного. Кто же виноват, что лазерный искатель уперся именно в ячейку с индексом Корнелия Гласа?

Да, а кто вообще во всем этом виноват?

Кто придумал идиотскую штрафную систему, когда за нарушение любых правил и законов наказание одно – смерть?

Придумал, говорят, Административный Кибернетический Центр – мозг всего государства, хранитель стабильности и общего благополучия. Четко все разработал, стервец! За мелкие проступки вероятность казни совсем крошечная, символическая. За крупные – и шанс побольше: пусть виновный попереживает. А с уголовниками чего церемониться? Им по закону обычно припаивали такой приговор, что даже для мелких жуликов дело пахло крематорием всерьез: один смертный шанс из десяти. У матерых преступников шансов на спасение меньше половины. А у самых отпетых – всего ничего...

Мудрая система! Комментаторы вещали с экранов, что народ принял ее с восторгом – так же, как в свое время всеобщую индексацию! Во-первых, гарантия полной справедливости и объективности – Машина не ошибается. Во-вторых, страх сурового возмездия (пусть даже при самой малой вероятности) сразу укрепил общественную нравственность и снизил преступность – так, по крайней мере, утверждал с экрана Заместитель Министра национального правопорядка. (Правда, через месяц после этого он был обвинен во взяточничестве и приговорен по уголовному разряду с шансами пятьдесят на пятьдесят, но это лишь подтвердило беспристрастность Машины; Министру, впрочем, повезло, он вытянул «счастливый билетик» и мирно ушел в отставку.)

А какая экономия общественных денег! Расходы на содержание тюрем и стражи упали в десятки раз! Ведь сейчас тюрьмы нужны только для того, чтобы держать там редких осужденных самый короткий срок – от приговора до казни...

А сколько времени там проведет Корнелий? Наверно, это – сразу. Чего долго возиться-то? И скорее всего, завтрашнего вечера он уже не увидит...

Давя в себе вновь колыхнувшийся тоскливый ужас, Корнелий сделал еще глоток. И вспомнил, что хотел прожить последние часы достойно. И спокойно. Сейчас он включит экран и посмотрит одиннадцатую серию «Виля-изгнанника». А потом... он... Нет, сперва это... выключить кондиционер. А то, не ровен час, и простуду схватишь. Простуду? Х-хё, х-хё, х-хё...

...Очнулся он утром. С отчаянной головной болью и тошнотой. И сразу, несмотря на тяжкое страдание похмелья, вспомнил все. Все, что сегодня его ждет!

Но мука была такая, что гибель не казалась страшной. В самом деле! Чем терпеть такое, лучше уж... ничего не терпеть! Краешком сознания Корнелий обрадовался этой спасительной мысли. Чем скорее все кончится, тем лучше!

Но ведь надо еще добрести туда.

Он разлепил веки, которые словно были из жидкого асфальта. От фильтров «лунный вечер зимой» в комнате стоял синий тоскливый полусвет. Белый листок с предписанием (он валялся на ковре) казался голубым.

Корнелий застонал и поднялся. От резкого головокружения стал на четвереньки. Поднялся опять. Согнулся, засеменял в туалет. Его долго и вхолостую выворачивало над раковиной.

Он думал обо всем механически. Ни о чем не надо заботиться. Электроника сама отключит все приборы и поставит дом на режим «хозяева в отъезде». Муниципалитет сообщит Клавдии о случившемся (она бурно возрыдает и быстренько успокоится; Алла – та и рыдать не будет, она современно-сдержанна). Бюро перечислит жене старшего консультанта Гласа зарплату за последнюю неделю. Что еще? Все, пожалуй. Ничего его не держит в этом мире. Позвонить кому-нибудь, попрощаться? Телефон оборван. Да и тошно звонить. Было бы мучительно стыдно признаваться кому-то в случившемся. Хотя, казалось бы, не все ли равно? И в чем он виноват?

Стыд, что кто-то узнает о его скорой казни, был не менее тошнотворным, чем похмелье. Именно поэтому Корнелий заставил себя побриться: чтобы люди на улице по его виду не догадались, что с ним случилось и куда он идет. (Впрочем, и в предписании велено – побриться.)

Бритва ласково мурлыкала в ладони, и Корнелий ощутил сентиментальную жалость расставания с этой похожей на доверчивого котенка машинкой. Потом он вспомнил: в бумаге велено – быть помытым и в чистом белье. Открыл в ванной краны.

Ванну он сделал чересчур горячей, а потом – от ненависти к себе – открыл холодный душ. И принудил себя стоять под ним, стоять, обмирая...

Это была ошибка. Ледяные струи (и наверно, подспудная, неистребимая мысль о близком конце) почти прогнали похмелье. Осталась лишь слабость с дрожью в ногах. Иногда она вырастала так, что делалась похожей на обморок. И непонятно уже было: или это обмирание от алкогольной отравы, или очередной наплыв изнурительного страха.

Постанывая, поматывая головой, Корнелий кое-как вытерся, оделся. Взял в шкафу летний бежевый костюм, выбрал свежую рубашку и даже галстук. Тут опять навалилось обморочное бессилие. Он лег животом на спинку кресла, перегнулся. Кое-как достал на полу бутылку с остатками «Дракона». Задавив тошноту, глотнул. Внутри словно распустился горячий бутон. Голову продрало колючей щеткой. Корнелий резко выпрямился и, не глядя по сторонам, вышел.

– Удачи тебе, Корнелий, – добродушно сказал ему в спину автомат-привратник. С шорохом задвинулась калитка.

Было около девяти утра. Жара еще не наступила, от газонов и кустов пахло свежестью. Посвистывали птицы. Корнелий никогда не знал их названия.

«И никогда не узнаю», – подумал он. Однако без нового страха, просто с горечью. Впрочем, и горечи большой не было. В Корнелии словно что-то отключилось. Остатки отравления выветрились, хотя голова еще немного кружилась. Сильнее других чувств была боязнь встретить знакомых. Станут здороваться, спрашивать: куда так рано собрался в выходной. И придется

отвечать, сочинять что-то...

Но никто не встретился по дороге до станции. Вагон монорельса был тоже почти пуст. Отрешенно глядя в окно, Корнелий доехал до станции «Девять Щитов». Серебристо-голубой купол храма со слегка выгнутой ладонью на вершине поднимался над холмом, над лестницами и гущей деревьев.

Не помогут Корнелию Хранители со своими щитами.

Он спустился на улицу, ведущую от холма.

Улица была почти без деревьев, с пыльными двухэтажными домами третьеразрядных контор, лавок, прачечных и похоронных бюро. Потом с двух сторон потянулись глухие бетонные стены складов. Этот непроницаемый бетон будто начал стискивать мозг и сердце. Но Корнелий не сбивал мерного шага. Он чувствовал: если запнется, остановится, страх стремительно вырастет и толкнет в паническое, бессмысленное бегство. И тогда что? Свистки, крики мегафонов, уланы на своих черных одноколесных мотоциклах... Его, растрепанного, исцарапанного, вытаскивают из кустов... Наручники... Толпа любопытных, в ней знакомые. И стыд, стыд...

Впрочем, это думала как бы одна половина мозга, а вторая равномерно отмечала шаги.

Зажатая складами улица сделала резкий поворот, и Корнелий с размаха остановился перед белой чертой – словно грудью грянулся о стену.

Вот она!..

Белая, шириной в ладонь линия пересекала от края до края пыльный асфальт. Перед ней, белилами же, была сделана по трафарету надпись:

СТОП!

ДАЛЬШЕ ПРОХОД ТОЛЬКО С ПРЕДПИСАНИЕМ.

Сердце опять ушло в тошнотворную пропасть, задергалось редко и с разной силой (кажется, у врачей это называется «сердечная недостаточность»?). Тем не менее Корнелий машинально потрогал карман с предписанием – так перед посадкой в аэролайнер проверяют, на месте ли билет.

Ух! Ух-ух-ух... ух... – толкалось сердце. Корнелий глотнул. Постоял. Зажмурился и шагнул через черту, отделившую его от живых.

Муниципальная тюрьма

Ничего, конечно, не случилось. Да и что могло случиться сейчас? Это ведь пока не тюрьма. Как ни странно, сердце почти успокоилось. Корнелий глянул вперед. Улица опять поворачивала. Корнелий механически зашагал и, достигнув поворота, увидел аллею с жидкими деревцами. В сотне шагов аллея упиралась в невысокую белую стену с зелеными воротами. У ворот – будка с приоткрытой дверью и окошечком. Над стеной – верхушки тополей и крыши под искусственной черепицей – такой же, как на доме Корнелия.

Совсем не страшно. Тюрьма выглядела провинциально, даже уютно – как в мексиканском городке из фильма «Любимый конь капитана Диего Лас Пальмаса».

Ни мирный вид тюрьмы, ни добродушная внешность палача не дают, конечно, осужденному надежды на спасение, но как-то успокаивают. Это Корнелий давно еще вычитал в какой-то детективной книжке. И сейчас он правда почувствовал себя спокойнее. Страх поулегся. Вместо него нарастало другое скверное чувство: ощущение казенной зависимости, стыдливой неволи. Вроде той унижительной беспомощности, с которой он принужден был являться по призыву на милицейские казарменные сборы.

Именно с этим поганим чувством Корнелий шагнул в дверь проходной будки.

За старомодным, с точеными деревянными балясинами барьером сидел на табурете караульный. В самой вольной позе: привалившись к стене

и взгромоздив казенные уланские ботинки с крагами на высокий ящик из-под пива. Берет на нем был тоже уланский – со значком и номером, а штаны и клетчатая рубашка – штатские. С широкого ремня спускался и висел почти у пола десятизарядный длинный «дум-дум» в кобуре без крышки. Роба у этого привратника ада была круглая и вполне тупая. Выражение на ней, однако, было глубокомысленное, ибо этот человек предавался одному из самых философских и древних занятий. Следил за мухой на потолке.

Услышав шаги, он перевел глаза с мухи на вошедшего, убрал с ящика ботинки. Подумал, поправил берет. С чисто уланской смесью фамильярности и сухости осведомился:

– Куда направляемся?

– К вам, наверно, дружище... – В развязности Корнелий постарался спрятать стыд за свою обреченность и опять подскочивший в груди страх. – К вам, больше некуда. Вот, прислали бумажку.

Стражник неторопливо взял двумя пальцами предписание. Зашевелил мокрыми, как у слюнчавого мальчика, губами. Глянул из-за листка на Корнелия. Опять в листок. И снова из-за листка. Рот у него приоткрылся, в глазах появилось что-то вроде сочувствия. Большим пальцем он сдвинул берет далеко на затылок. Краем бумаги почесал подбородок.

– Да-а, братец. «Повезло» тебе... Держи. – Он сунул предписание в мелко дрожащую руку Корнелия. Дотянулся до телефона, снятой трубкой поколотил по контакту. – Господин старший инспектор! Тут такое дело, не поверите. «Миллионер» явился!.. Да честное слово!.. Не-е, улицу не там перешел. А я-то при чем, господин старший инспектор? Не я же его сюда притащил!.. Ну да, «гони в шею»! А потом меня в шею? Да еще «двадцатку» вляпают за нарушение устава!.. Я понимаю, но что делать-то?.. Слушаюсь, господин старший инспектор.

Он положил трубку, со смесью жалости и задумчивого любопытства глянул на Корнелия. Лицо у парня стало даже слегка симпатичным.

– Ты вот что. Двигай через двор по главной дорожке, потом первый поворот налево. Упрешься в контору. Там в комнате номер один сидит старший инспектор господин Мук. Он все оформит.

Привстав, парень вздохнул и толкнул внутреннюю дверь.

Старшему инспектору на вид было лет тридцать пять. Белобрысый, с невзрачным лицом и узкими плечами, он сидел за широким конторским столом – совершенно пустым. Вертел в пальцах куцый карандаш. Поднял на Корнелия белесые ресницы.

– Это ты, значит, «миллионер»? Давай документ, бедолага... Да не стой, вон скамейка.

С ощущением, что все это жутковатый сон, Корнелий сел у белой стены. К страху он притерпелся настолько, что теперь испытывал даже что-то вроде болезненного интереса: а что дальше? Или это правда сон? Какая-то чужая комната с пустыми стенами, бесшумно качаются листья за решетками открытых окон. Какой-то бесцветный тип за облезлым столом читает бумагу. Про него, про Корнелия. Карандашом что-то на-царапал на столе (кажется, его, Корнелия, индекс). Прочитал, бросил бумагу в ящик. Сказал с искренней досадой:

– И какого черта они присылают в субботу? Я что с тобой буду делать? Исполнитель-то бывает по понедельникам.

В глубине души Корнелий поразили обиденности разговора. И огрызнулся так же буднично:

– А я при чем? Я сюда не просился.

Старший инспектор на это не рассердился. Покивал:

– Понимаю, тебе тоже кисло. Ах ты, дьявольщина, что же делать? Теперь будет волокита. Ладно, обожди!

Развернувшись, он взял с подоконника желтый аппарат с клавиатурой междугородной связи. Вскинул трубку, защелкал кнопками.

– Алло! Узел? По шифру «Лист», восьмая строка. Благодарю. Сектор наблюдения? Добрый день, на связи муниципальная тюрьма номер четыре, старший инспектор Альбин Мук. Виноват, не понял... Да, Альбин Мук из Летова. Кто-о? Ваккер? Стари-ик! Откуда ты выплыл? Значит, ты сейчас шеф сектора? Помощник? Ну, все равно растешь! Я стою навтыжку. Слушаюсь, стоять вольно, ха-ха... Да помаленьку, какие тут у нас перспективы. И мороки полно. Конечно, не ваши столичные масштабы, но все равно. Ага, по делу, разумеется. Снять с учета индекс. Нет, по административному. Вляпался тут один по миллионному шансу. Да, я и то говорю: не повезло мужику. За переход на красный свет, кажется. Вот-вот: живешь, не тужишь, и вдруг – трах! Одно слово – Машина. Все под ей, под родимой, ходим. Ага, даю: У, Эм, Эф... Тире, Икс... сто одиннадцать, триста сорок четыре... Что? Да нет еще, послезавтра, наверно... Боже мой, ну какая разница? Куда он денется? В понедельник могу не успеть, исполнитель иногда под вечер является, во вторник у нас аппаратный день, потом я закручусь, не дозвонюсь, и будет на мне висеть. Вак, по старой дружбе, а? Вот спасибо. А это еще зачем? Ох и бюрократы вы, господа наблюдатели! Шучу, шучу... – Он отодвинул трубку и глянул на Корнелия. – Слушай, тебя как звали? Индекса им, крохоборам, недостаточно...

От этого мимолетного и добродушного «звали» Корнелия опять ударило упругой подушкой ужаса.

– К... кха... Кор... нелий...

– Полностью, полностью.

– Корнелий Глас... Из Руты...

– Ишь ты! У меня теща из Руты...

И старший инспектор снова заговорил в трубку, а Корнелий, утопая в серой полуобморочной мути, исходил теперь мысленно беспомощным криком: «Почему «звали»? Я не хочу! Я вот он, я есть! Меня зовут Корнелий Глас из Руты, я хочу жить! Не надо меня...»

Потом его опять отпустило, и он как сквозь вату услышал голос инспектора Альбина:

– Ладушки, Вак... Оч-хорошо. Спасибо. Занесет в наши края – заходи, раздавим жбанчик по-старому, вспомним уланскую молодость. Естественно. Супруге привет. Да? Ну, извини, не знал. Ясно. Как поется: «Неизвестно, кому повезло»... О чем разговор! Обижаете, начальник. Ха-ха... Ладно, будь!

Альбин опустил трубку. Перевел взгляд на Корнелия. Улыбка сходила с лица старшего инспектора, будто стираемая медленной ладонью. Глаза поскуцнели. Старший инспектор Мук от воспоминаний, вызванных беседою со старым приятелем, возвращался к будням тюремной службы. Но надо отдать справедливость: даже и сейчас в его глазах Корнелий не заметил раздражения. Скорее опять намек на сочувствие. И даже капельку виноватости.

– Вот же ж кретины, присылают в субботу. Дак что мне с тобой делать-то?

Корнелий пожал плечами. На него в эту минуту накатило ленивое безразличие. Снова ощутимо подташнивало. Инспектор побарабанил пальцами, повернулся к окну и неожиданно сильным тенором крикнул сквозь решетку:

– Гаргуш! А ну, зайди ко мне!

Через полминуты возник в дверях нескладный длинный парень с унылым носом и печальными глазами. Расстегнутая уланская форма висела на нем как на вешалке. Парень медленно начал:

– Я вас слушаю, господин ста...

– Слушай, слушай. И делай... Прислали вот человека, надо ему перекантоваться до понедельника, ты устрой.

Гаргуш неожиданно осклабился: зубы желтые, большущие.

– Ну, а чего... Номера-то все свободные, как на Побережье в пустой сезон.

– Понятно, что свободные. Ты устрой как надо: постель там и все прочее. Чтобы по-людски. Человек-то не виноват, не уголовник ведь, просто залетел по миллионному делу...

«Миллионное дело», звучит-то как», – отрешенно подумал Корнелий. Гаргуш глянул на него – в печальном взоре что-то вроде доброжелательного любопытства.

– Дак пойдете, что ли...

Корнелий встал.

– Как-нибудь перекрутишься пару суток, – вздохнул инспектор. – Не курорт, но что поделаешь...

– Господин инспектор, а кормить-то чем? – вдруг обеспокоился Гаргуш. – Это что, значит, из-за одного человека мне кухонную линию доставки налаживать? Она ведь, сами знаете...

– Не надо. Возьмешь еду за стеной, у ребятишек. У них, конечно, не ресторан, да что поделаешь. Не отощает гость до понедельника...

Корнелий на вялых ногах шагнул к порогу. И там замер, настигнутый новым приступом страха. И не сдержался, слабо хмыкнул, спросил:

– Ну, а в понедельник-то что? Как оно тут вообще у вас... делается?

Он сознавал, какая ненатуральная, жалкая его развязность, и знал, что инспектор видит его насквозь. Но тот отозвался без насмешки, с бодрым пониманием:

– А, ты про это! Да брось, не думай. Чепуха, шприц-пистолетик, безболезненный. Ляжешь на диванчик и не заметишь, как бай-бай... Все там будем – не завтра, так послезавтра...

Этой нехитрой мыслью – «не завтра, так послезавтра» – Корнелий и успокаивал себя, двигаясь за надзирателем Гаргушем. Пришли в одноэтажный белый дом. В коридоре – с десятков дверей, на каждой зарешеченное окошко и засов. Все как полагается.

Камера оказалась просторная. Белая. Окно большое, решетка – с завитками, как в старинном замке. Гаргуш вышел, скоро вернулся, начал расстилать на узком матрасе простыни и одеяло.

– А вон там, на полке, значит, электробритва. Только втыкать надо в коридоре, тут дырок нету... И галюн тоже в коридоре, в конце...

– Запирать-то, выходит, не будешь?

– А на кой? – удивился Гаргуш. – Гуляйте хоть по всей территории, радуйтесь белому свету. Только за проходную не суйтесь, а то там на контроле Кизя Лук сидит, крик подымет...

Наконец он ушел, и Корнелий обессиленно свалился на жесткую койку. Лицом в подушку. Обдало запахом стерильного казенного полотна – как в казарме на сборах. Это был запах тоски и безнадежности. Но подняться не хватило сил.

Вот она какая – камера смертников. Чистая, просторная, незапертая. Солнышко сквозь окно печет затылок. Тюремные чиновники добродушны и снисходительны... Лучше бы уж кандалы, сырой подвал, пытки... А эта пытка – лежать, утыкаясь в подушку, и ждать двое бесконечных суток... Или, наоборот, очень коротких? Несчастье или благо эта отсрочка? А если бы это прямо сейчас – лучше было бы или хуже?

Сегодня, завтра или послезавтра – какая разница?

Зачем ему эти два дня и две ночи? Может, чтобы подвести итоги, подумать о смысле прожитой жизни?

А в чем он, смысл-то?

Много лет учили Корнелия Гласа, как и других школяров, что главный смысл – внести свой посильный вклад в упрочение цивилизации. В укрепление стабильности общества. Какой вклад он внес? Самая главная работа – это, пожалуй, рекламное оформление Готического квартала. Да, ничего получилось, все оценили. И была премия, и было повышение, и даже в ехидстве Рибалтера звучала еле прикрытая зависть... Но ведь Эдик Ружский сделал бы эту работу

не хуже. Даже лучше сделал бы, если говорить честно (а когда говорить с самим собой честно, если не сейчас?). Корнелий тогда выхватил заявку на проект у Эдика из-под носа, и все говорили, что сделано было чисто. Но при чем здесь польза для цивилизации? И вообще, нужно ли цивилизации рекламное дело?

Реклама служит радостям. Может, смысл бытия в радостях? Что ж, их, радостей, кажется, хватало. Но... если опять же честно разобраться, разве были они полными, без оглядки? За каждой прятался страх. Страх, что эта радость может оказаться непрочной, что завтра станет хуже, чем сегодня, что шеф вернет его эскизы и предпочтет эскизы Рибалтера или Ружского; что не хватит гонорара для очередного взноса за дом; что опять вызовут в уланские казармы; что на обязательном медосмотре обнаружат что-нибудь такое (после веселого отпуска на Островах, вдали от Клавдии); что вот уже и за сорок, и время летит все быстрее, и почему-то стало невпопад, незнакомо перестукивать порой сердце...

Ну, а с другой стороны, кто живет без страха? Без него – никуда. Страх – регулятор всей жизни. Везде и всегда. Недаром же мудрая Машина заменила все наказания прошлых эпох на одно: на штрафную электронную лотерею, где главное – страх смерти. Иногда крошечный. Иногда оглушающий, доводящий до паралича – если шанс гибели велик... Но вот ведь и самый крошечный шанс привел Корнелия сюда... И теперь Корнелий сполна пьет чашу наказания страхом. Именно страхом, потому что сама смерть что? Тьфу. «Ляжешь на диванчик, и бай-бай...» Так вроде бы выразился этот инспектор? Альбин его, кажется, зовут. Подходящее имя для такого альбиноса... Но подожди, Корнелий, не вертись, не прячь морду под мышку. Ты же знаешь, что это имя застряло в памяти по другой причине...

Может быть, здесь знак судьбы? Знак отмщения? В том, что этого человека, призванного отнять у Корнелия жизнь, тоже зовут Альбин?

Господи, чушь какая! Слюнявое «розовое» детство, тридцать лет прошло. И нисколько не похож этот Альбин на того... Скорее он похож на Клапана, который был преданным адъютантом Пальчика, – с такими же белесыми ресницами и стертым лицом... И не будет этот нынешний Альбин лишать Корнелия жизни, на то есть специальный исполнитель, который должен появиться в понедельник... и «бай-бай»...

И Корнелий обессиленно провалился в глубокий, как черная шахта, сон.

Видимо, измученный мозг спасительно выключился на несколько часов. Когда Корнелий очнулся, по цвету неба и освещению листьев за окном он понял, что день перевалил за половину.

На столе поблескивали судки – значит, Гаргуш принес обед, но будить Корнелия не стал.

Корнелий сел, поматывая головой. Прислушался к себе. Внутри сидела тупая несильная тоска. Почти без боязни.

«Психика примиряется с неизбежным», – с кислой усмешкой сказал себе Корнелий. Шагнул к столу, приподнял на судке крышку. Пахнуло теплым варевом. Он вздрогнул: противно. В большой никелированной кружке оказался холодный компот. Корнелий проглотил его, чтобы забить во рту запах наволочного полотна. Компот был хорош, но тут же опять замутило.

Корнелий сбросил на кровать мятый пиджак и галстук. Вышел в коридор, отыскал туалет. Потом прошел на тюремный двор.

Двор был патриархальным. Трава, песочные дорожки, тополя, клены с разлапистыми листьями. Высокие сорняки у каменного, с облесшей побелкой забора. Там же – груда пустых дощатых ящиков. Слово приглашение: взбирайся, прыгай через забор и – на волю.

Корнелий сел прямо в траву, вытянул ноги, прислонился к нижнему ящику. Голова была ясна, но сил – никаких. Не хотелось двигаться. Корнелий запрокинул лицо. Небо в зените светилось чистой голубизной, не чувствовалось в нем вчерашнего зноя. Медленно меняя форму, двигались облака: светло-желтые, легкие, с пушистыми краями. Была в них такая отрешенность, несвязанность с земной человеческой жизнью, что на Корнелия снизошло спокойствие. Этакое понимание истины, что все «суета сует». И сидел он так долго-долго, почти бездумно. Желал только, чтобы никогда это не кончилось.

Изредка пролетали над ним желтые и белые бабочки, а выше носились ласточки.

Через бесконечное время раздались шаги, и сбоку откуда-то появился, навис Гаргуш...

– Тут такое дело... господин Глас. Господин старший инспектор спрашивали: если надо священника, то можно сделать заявку. Только скажите, по какой вере и когда. Можно на завтра или на послезавтра утром.

Возвращаясь с беззаботных небес на тюремный двор, Корнелий опять ощутил упругие толчки тошнотворного ужаса. И, надеясь, что это кончится с уходом Гаргуша, быстро сказал:

– Нет, не надо, спасибо.

Тот переступил громадными ботинками, от которых пахло натуральной кислой кожей.

– Не верите, выходит, в царствие небесное?

– А ты веришь? – с раздражением бросил Корнелий (странно: оказывается, он еще может чувствовать раздражение).

– А кто его знает... – Гаргуш медленно отошел.

Корнелий опять запрокинул голову. Он не верил в царствие небесное. И рад был бы сейчас, да поздно утешать себя сказками. К религии он относился... да, пожалуй, никак не относился. Отец был, кажется, полностью неверующий. Мать причисляла себя к какой-то общине. Кажется, «Братство евангелиста Марка». Лет до десяти водила Корнелия по праздникам в сумрачный собор, где мерцали россыпи свечек. У Корнелия осталось в памяти ощущение зябкости и страха, что вот опять придется по команде священника вставать на колени. Мелкий узор очень холодных чугунных плит больно впечатывался в пухлые коленки, а мать шепотом говорила: «Не егози...» Потом она в своем «Братстве» поссорилась с другими дамами из-за толкования каких-то апокрифических Евангелий и перестала посещать храм. На этом и кончилось приобщение юного Корнелия Гласа к основам вероучения. Далее он жил, не размышляя всерьез, что было сперва: идея или материя? Есть где-нибудь во Вселенной Бог или нет? Ибо решение этой проблемы никак практически не влияло на жизненные интересы Корнелия – ни в детстве, ни в зрелом возрасте.

И уж тем более не могло оно повлиять сейчас – в оставшиеся часы земного бытия Корнелия Гласа из Руты.

Корнелий сидел в траве у ящиков, пока солнце не ушло за тюремный забор. Потом встал, подержался за окаменевшую поясицу и побрел в камеру. Просто так, ни за чем. Скорее всего, машинально подчиняясь заведенному в жизни порядку: ночь надо проводить в постели.

В окне было еще светло, но под потолком горела яркая лампочка. Блестели на столе судки – уже другие. Видимо, исполнительный Гаргуш (или кто другой) убрал несъеденный обед и принес ужин. Сервис...

Корнелий хотел упасть лицом в подушку, но память о запахе казенного полотна удержала его. Он сел, низко опустил голову и охватил затылок. И сидел опять долго-долго. Мысли были отрывочны. Какие-то клочки на темно-сером фоне уже привычной тоски и обреченности. Почему-то вспоминался то и дело старший штатт-капрал Дуго Лобман. «Гос-спода интеллигенты, р-равняйсь!..

Муниципальная милиция – это почти что армия! Здесь не ваши балдежные штатские правила, а у... что?.. став! У-став! Смир-р... ны! Десять кругов бегом по плацу... подтянули животики... марш!»

Корнелий помотал головой. Надежда, что придает усталость и забытье, оказалась напрасной. Он выспался днем. И теперь, судя по всему, предстояла бессонная ночь. Корнелий содрогнулся. Резко встал. Опять вышел во двор. В небе таял неяркий послезакатный свет. Одинокое торчал месяц – голый и беспомощный, как мальчишка-новобранец перед призывной комиссией. Где-то за стеной раздались и смолкли детские голоса. Пахло остывающей травой. Далеко-далеко, в другом мире, монотонно шумел город.

Стукнула дверь конторы, кто-то сошел с крыльца. А, инспектор. Неровными шагами он побрел через двор. Остановился недалеко от Корнелия.

– Что? Не спится, видать?

Корнелий промолчал.

– Оно понятно. – Старший инспектор Мук был явно под хмельком. И уходить, кажется, не собирался. Вот скотина.

Вздыхнув и потоптавшись, инспектор Мук вдруг попросил:

– Слышь, может, пойдём посидим, а?

– Куда? – устало удивился Корнелий.

– Ну... ко мне. Я сейчас один тут. Всех распустил к чертовой матери, даже внешний пост. Совмещаю должности, так сказать, у нас разрешается. Деньги-то нужны, жена поедом ест, что до сих пор в долгах, с самой свадьбы... Вот и торчу здесь круглыми сутками, тоска... А тебе тоже чего одному-то?

Несмотря на всю дикость положения, Корнелий на миг ощутил какое-то превосходство над инспектором. Даже ухмыльнулся:

– А что ты можешь предложить для веселья?

– Две бутылки «Изумруда», – с готовностью отозвался инспектор. – И банка морской капусты, чтобы зажевать. Посидим, а? Понимаешь, муторно одному.

Это было все-таки лучше, чем бессонная ночь в камере. И... забавно даже. Кроме того, с помощью «Изумруда» нетрудно отшибить себе надолго память. Что и требуется...

– Пойдем... верный страж мой, – опять ухмыльнулся Корнелий.

Теперь стол инспектора не был пуст. На нем светилась совершенно нелепая здесь бронзовая лампа с завитками и желтым фарфоровым абажуром – «ретро». Поблескивали зеленью две трехгранные бутылки (одна уже початая), раскупоренная консервная банка, два тонких стакана. Инспектор подтащил из угла тяжелый конторский стул с вертящимся сиденьем – для Корнелия.

– Ты садись. Я понимаю, тебе, конечно, пакостно, да что делать-то. Все едино. И мне вот тоже. Давай!

Он скovyрнул со стакана соринку, торопливо налил себе и Корнелию.

- Ну, будем... - Он резко вылил в себя зеленую жидкость.

Корнелий помедлил секунду, сделал то же. Горячая волна прошла по пищеводу. Инспектор хватал пальцами лиловую лапшу морской капусты. Чавкая, сказал Корнелию:

- Ты давай дергай руками, вилок-то нет. - Потом он размягченно отвалился к спинке стула. - Ну вот, полегчало малость... Тебя вроде бы Корнелием звать?.. А меня - Альбин.

- Слышал, - хмуро сказал Корнелий. - Знаю.

И подумал опять: «А может, знак судьбы?»

Они выпили еще. Альбин, крепко хмелея, начал говорить, что «кантуется» он здесь не только из-за денег, но и потому, что «дома хоть в петлю лезь, баба взбеленилась, поедом ест и жизни никакой...».

Корнелий ощущал теплую успокоенность. Соблюдая этикет, он глядел в белесое лицо Альбина и время от времени кивал. И кажется, даже улавливал смысл. Но это работала лишь частичка его мозга. А главное сознание Корнелия было не здесь. Все глубже и глубже уходил он памятью в давнюю пору. Вернее, что-то властно вводило его. Туда, где было Корнелию Гласу одиннадцать лет...

...Того мальчишку тоже звали Альбин.

Стекло и стебелек

Новичок появился в четвертом классе незадолго до летних каникул. Его привел директор по прозвищу Гугенот. Мальчишка был коротко стриженный, с ушами, похожими на ручки фарфоровой сахарницы. Гугенот ласково придерживал его за погон суконной курточки. Эти форменные курточки, как и береты

со школьными эмблемами, были объявлены необязательными два года назад. Теперь в них приходили на занятия лишь немногие. Считалось, что форму любят отличники, подлизы и прочий недостойный уважения народ. А чтобы явиться на уроки в такой «мундерюге» теплым летним утром, надо быть «вообще без шарика в обойме». Но мальчик и его родители, видимо, не знали здешних нравов. Решили, наверно, что в день знакомства с новой школой надо соответствовать правилам этой школы во всем. Вот мама и обрядила новичка в купленную накануне форменку здешнего колледжа.

Расчетливые мамы все покупают детям «на вырост». Слишком широкая и длинная куртка выглядела на щуплом новичке достаточно нелепо сама по себе. И тем более – в сочетании с куцыми «штатскими» штанишками, косо и беспомощно торчащими из-под суконного подола. И с белыми девчоночьими башмачками и канареечными носочками. И с аккуратной сумкой для книг, какие носят только первоклассники. Нормальные люди толкали учебники и тетради в пакеты с портретами киношных суперзвезд или в холщовые мешки с эмблемами знаменитых фирм и авиакомпаний. А это чучело...

Мальчик шагнул и тихо, но отчетливо сказал:

– Здравствуйте.

– Му-уля! – радостно выдохнули сразу несколько человек. И Корнелий понял, что пришел срок его избавления. Ибо по неписаным законам в классе мог быть только один муля.

А мальчик пока ничего не подозревал. Уши доверчиво топорщились, серые глаза безбоязненно смотрели из-под круто загнутых ресниц, верхняя губа была чуть вздернута под маленьким носом «утиной» формы. Два передних зуба молочно блестели, придавая лицу выражение постоянной полуулыбки – доброй и слегка удивленной.

– Я уверен, Альбин, ты подружишься с новыми товарищами, – ровно сказал директор, и все знали, что уверенности в этом у Гугенота нет. Все, кроме новичка. Альбин, глянув вверх на директора, потом на класс, простодушно шмыгнул утиным носиком и улыбнулся пошире. Ответил:

– Я тоже.

В том смысле, что он тоже уверен, что подружится.

Класс развеселился еще заметнее. Но Пальчик с задней парты приказал:

– Ш-ша, дети. – Видно, не хотел раньше времени настораживать новичка. И урок живой природы у вечно испуганной и слезливой мадам Каролины прошел на сей раз удивительно мирно.

На перемене мальчишки обступили Альбина.

Нет, он оказался не такой уж простофиля. Хотя все вели себя сперва сдержанно. Альбин почти сразу понял, что дело нечисто. По глазам, видно, понял, по первым, со скрытой ехидцей заданным вопросам. Отвечал коротко и настороженно. Поглядывал как пойманный бельчонок.

Кто-то уже с деланной заботливостью поправлял на нем курточку, сдувал невидимую пыль, кто-то пригладил макушку.

– А это что у тебя такое красивое? – Пальчик с приторной улыбочкой потянулся к значку на куртке Альбина. Значок и правда был хорош: выпуклая хрустальная линза размером с трехгрошовую монетку, в тонкой серебряной оправе, а под стеклом, на темно-васильковом фоне, – золотая буква «С» и крошечная звездочка. Похоже на старинную мусульманскую эмблему.

– Не тронь, это оло, – быстро и насупленно сказал новичок.

Рука Пальчика замерла в дюйме от значка. Что бы там ни случилось между мальчишками, как бы ни враждовали они, но был один закон, который никто нарушать не смел: то, что объявлено «оло», трогать нельзя. Это как «табу» у древних туземцев. Конечно, если какой-нибудь дурень объявит «оло» дрянную игрушку, модную обновку (чтобы не лапали!) или свою собственную персону, чтобы защитить себя от насмешек и тумачков, – этот номер не пройдет. Мальчишечий народ чутко определял, где подлинное «оло». Например, были «оло» разные талисманы, крестики у ребят из христианской общины, штурманский планшет у Владика Руцкого – память об умершем деде... И сейчас все чутьем поняли, что значок у новичка – настоящее «оло». В настороженном молчании появилось что-то вроде уважения. А секундная нерешительность

Пальчика еле-еле, но поколебала его авторитет. Опытный Пальчик это ощутил тут же. И среагировал:

– Ах, извини, я не знал... А это что у тебя? Надеюсь, не «оло»? – Он ткнул в подол куртки. Альбин нагнулся. И Пальчик ловко ухватил нос новичка, сжал крепкими костяшками.

Конечно, Альбин замычал, запищал, закричал гнусаво, задергался. Затопал новенькими туфельками! При общем веселье. А Пальчик водил его голову за нос туда-сюда и тонким «дошколячьим» голоском напевал только что придуманное:

«Оло» – не «оло»,

Муку намололо,

«Оло» – не «оло»,

Башку раскололо...

Альбин сильно дернулся, освободился и, не разгибаясь, ударил Пальчика головой в грудь. Тот отлетел. Но на ногах удержался. И не взъярился, не врезал тут же нахалу. Подышал, покачал головой и сказал тоном огорченного директора колледжа:

– Вы видели, дети? Только переступил порог класса и уже так себя ведет. Допустимо ли такое? А?

Все обрадованно завопили, что недопустимо. И выжидающе уставились на Пальчика. Тот сокрушенно вздохнул:

– Ступай на свое место, новичок. Я подумаю, как поступить с тобой. – Пальчик не торопил события. Главное, что начало было положено. Выражаясь по-научному, создан «казус белли» – повод для начала военных действий. Хотя едва ли можно считать военными действия, когда три десятка человек безнаказанно изводят одного.

Все с того дня пошло по обычной программе. Новый ученик получил персональное прозвище – Утя – и в первую неделю полностью испытал, что значит быть мулей в четвертом классе государственного мужского колледжа

города Руты.

Его редко били всерьез, хотя на серьезный отпор он был не способен (разве что доведут до отчаяния!). Интереснее было изматывать мулю понемногу. Щипками, дразнилками, «случайными» тычками, подложенными в портфель химическими «вонючками»... На мулю разрешалось даже ябедничать, тем более что считалось это «просто шуткой». Например:

– Мадам Кларисса, ученик Ксото хочет выйти, но стесняется попроситься!

– Ксото, в чем дело? Правда? Ну, ступай тогда...

– Да врет он! Никуда мне не надо!

– Я не вру! Если не надо, тогда почему тут... – И сосед Альбина картинно зажимает нос. И все хохочут.

И Корнелий хохочет.

Первое время Утя ловился на обманное сочувствие. Стоит он на перемене в уголке, зыркает боязливо, и тут подходит кто-нибудь с заботливым, серьезным лицом:

– Утя... ой, извини, Альбин... Я смотрю, этот гнида Клапан опять к тебе приставал? Что ему надо?

Утя вскидывает глаза – в них радостная искорка надежды: неужели нашлась хоть одна добрая душа?

– Ты его не бойся, – ласково учит «доброжелатель». – Если он делает вот так... – следует рассчитанный удар «под чашечку», и Утя стукается коленками о паркет, – то ты его вот так! – И «наставник» помусоленным пальцем ввинчивает в Утино темя болезненную «грушу».

– У, гад! – Утя вскакивает, левой рукой держится за ногу, правой беспомощно замахивается на обидчика.

Тот отпрыгивает, сокрушенно ищет справедливости у собравшихся:

- Вы видели? Я ему помочь хотел, а он...

- Нехорошо, Утя, - говорит Пальчик. - Почему ты такой агрессивный? Ну-ка, встань прямо, когда с тобой разговаривают. - Он берет Утю за ухо, заставляет отпустить ногу и распрямиться. На ноге Ути - синячище, в глазах - жидкие бусины. Он опять безнадежно замахивается...

- Что здесь происходит? - Этот строгий голос будто откуда-то с высоты. Но Пальчика «с катушек не собьешь».

- Господин дежурный учитель, мы сами не понимаем: он сперва на всех наскокивает, а потом сам же плачет! Он, наверно, нервный...

- Разойдитесь немедленно! И чтобы такого больше не было!

- Хорошо, господин учитель...

Утя смотрит на недругов с бессильной ненавистью. Нет, он ничего не скажет дежурному наставнику, не будет объяснять правду. И не потому, что опасается прослыть не только слабаком, а еще и ябедой, терять ему все равно нечего. И уж, конечно, не потому, что жалеет своих мучителей или боится мести. Тут что-то другое... Что?

Внешне Корнелий относился к Уте как все. Щипал и подтыкал, хохотал над его беспомощными попытками защититься. И над наивными вопросами: «Что я вам сделал? Ну, объясните же, наконец, по-человечески, что вам от меня надо?» Как ни верти, а все-таки приятно было, что не ты теперь самый безответный и слабый. Что есть в классе личность, которую можно обхихикать и пнуть и не получить сдачи. И Корнелий порой делал это. Не только ради удовольствия, но и для того, чтобы видели, что он уже не муля.

Впрочем, инстинкт подсказывал, что перегибать палку по отношению к Уте Корнелий не должен. А то найдутся умные люди и заметят: «Во, как завыступал Дыня! Давно ли на четвереньках бегал, а теперь осмеле-ел... С чего бы?» Возьмут да и отступятся от Ути, решив, что прежний муля удобнее нового.

Поэтому случалось, что Корнелий порой незаметно уходил из толпы, веселившейся вокруг несчастного Ути. Уходил еще и потому, что за желанием насладиться своей (какой-никакой) властью и силой шевелилось сочувствие к этому неприкаянному Альбину. Ведь сам досыта нахлебался такой жизни! И бывало, что, встречаясь с Утей взглядом, Корнелий отводил глаза.

Свою форменную курточку Альбин больше не надевал, приходил на уроки в обычной клетчатой рубашке. Но значок носил по-прежнему. Правда, прицеплен был значок так, что его прикрывала ляжка штанов. Над этими ляжками (на спине крест-накрест, на груди перекладина, на животе – пуговицы, как у первоклассника) тоже хихикали. Но не сильно. Все понимали, что, надень Утя хоть самый взрослый и мужественный костюм, все равно он останется мулей. Даже еще больше будут дразнить. И сам Альбин это, конечно, понимал.

И все же (Корнелий смутно это чувствовал) был в Альбине какой-то стерженек. Скрытое упрямство или гордость. Он никогда не прятался от тех, кто над ним издевался. Притиснется спиной к стенке и ждет...

Наверное, из-за этого неумения убежать от опасности он и не отказался от должности «котельщика».

В конце учебного года четвертый класс готовился к традиционному походу по окрестным лесам. Конечно, то, что ожидалось, трудно было назвать настоящим походом, просто двухдневная экскурсия с ночевкой в благоустроенном пансионате «Оранжевые скалы». Но предполагалось несколько привалов сделать в лесу и готовить еду из собственных припасов. Учитель гимнастики, который занимался подготовкой экспедиции, сказал:

– Ну, а кто будет котельщиком? Дело ответственное. Выбирайте надежного человека.

Все понимали, что дело не только ответственное, но и муторное: отвечать за продукты и посуду, следить за варевом, а главное – таскать на себе гулкой котел, хотя и не тяжелый, из желтого ретросплава, но громоздкий и неудобный. Да еще и чистить его после каждого привала.

Все притихли, упрашивая судьбу обойти стороной. И в этой тишине Пальчик солидно предложил:

– У нас Альбин Ксото самый добросовестный. Выберем его.

Все возликовали. Все вскинули руки, голосуя за самого добросовестного. Альбин заметно побледнел. Он сразу понял, чего ему будет стоить это «доверие». И все же, когда учитель спросил, согласен ли Альбин, тот встал и молча кивнул, глядя поверх голов. Класс опять весело загудел, предвидя массу развлечений. Но смолк при грозном «ш-ша» умного Пальчика.

Наверно, учитель о чем-то догадывался. Но, скорее всего, придерживался привычной мысли: «В своих ребячьих делах дети разберутся сами, взрослым лишний раз вмешиваться не стоит». Однако он заметил:

– Должность эта нелегкая. По-моему, нужен помощник. А?

Опять четвертый класс притих. А Корнелия словно толкнуло: или страх, что сейчас назовут его и лучше уж самому, или шевельнувшееся сочувствие к Альбину. А может, и злость какая-то – на судьбу, на злыдней одноклассников, на свою затюканность. Он встал:

– Давайте буду я...

Все, конечно, опять злорадно загоготали, послышалось даже: «Муля на муле, мулей погоняет...» И снова остановил их Пальчик. А Корнелий поймал на себе благодарный взгляд Альбина. И сердито отвел глаза. По правде сказать, он жалел уже о своем секундном благородстве.

И оказалось, не зря жалел!

Альбин в поход не пошел. В школу сообщили, что он заболел, лежит с температурой. И Пальчик хмыкнул:

– Температура! Ладно. Дыня и один справится, он у нас старательный.

Что вынес Корнелий за те два дня, можно догадаться. Но вынес, черт возьми! Глотая слезы, огрызаясь и даже нарываясь на драки с удивленными таким «Дыниным психозом» одноклассниками, он зло и упрямо тянул свою лямку до конца. Не бросил проклятый котел и не пожаловался учителю. А в конце похода, когда подлый Клапан стал опять привязываться к Корнелию, Пальчик вдруг дал своему адъютанту хлесткую, как выстрел, плюху.

– Ты небось только жрал, а Дыня за всех посуду драил! Убью, бактерия... – А Корнелию сказал: – Мы Уте потом ноги повыдергаем. Слянул от похода, мамина курочка, на тебя все взвалил. А ты ничего, жильный.

От такого признания внутри у Корнелия растеклось радостное тепло. Даже в глазах защипало. И он сказал с хрипотцой:

– Я с ним сам разберусь, с дезертиром.

Но никакой злости на Утю у Корнелия не было. Вроде бы кипел от яростной досады, а в глубине души понимал: вовсе Альбин не дезертир. Если не пришел, значит, в самом деле не мог.

После похода начались каникулы. Сперва Корнелий поехал с родителями в пансионат на Птичий остров, а затем они сняли дачу на окраине Руты.

Здесь была своя ребячья компания, раньше Корнелий никого не знал. Никого, кроме Альбина. Семейство Ксото жило на даче в соседнем квартале.

Увидев здесь Альбина первый раз, Корнелий испытал тяжкое смущение, даже испуг. А Утя обрадовался.

Впрочем, он был здесь никакой не Утя. Его звали Алька, а чаще Халька или Хальк. И он был равный среди равных.

В этой дачной вольнице и не пахло нравами государственного мужского колледжа. И не было никого, похожего на Пальчика. Случалось, что ссорились и даже дрались, но главные мальчишечьи законы были прочны: двое на одного не нападают, слабого не дразнят. Конечно, над боязливостью и неловкостью

смеялись, но посмеются и забудут. Здешний ребячий мир снисходительно прощал недостатки своим питомцам. Наверно, потому, что в каждом жило ощущение свободы и беззаботности. Лето теплое, небо чистое, лес и озеро ласковые, игры веселые. И нельзя идти против природы, травить жизнь страхом и обидами.

Увидев ребят и Альбина среди них, Корнелий растерянно встал посреди аллеи. Но Альбин глянул ясно, беззлобно и сказал мальчишкам:

– Это Корнелий, мы в одном классе были. – Потом спросил: – Ты, значит, тоже здесь поселился?

– Ага... – неловко сказал Корнелий.

– Ну, пошли! – Альбин стукнул о землю красно-желтым мячом. – Мы в пиратбол на берегу играть будем. Знаешь такую игру?

Вечером они шли домой вдвоем, и Альбин, глядя под ноги, вдруг сказал, негромко так:

– Ты, может, думаешь, будто я нарочно тогда в поход не пошел, с испугу?

Корнелий изо всех сил замотал головой:

– Не, я знаю, что ты болел!

– Тебе, наверное, досталось там...

– Ну и черт с ними! – Корнелий мужественно прищурился.

– Дикие какие-то, – почти шепотом проговорил Альбин. – Я так и не понял: что им надо? Все на одного.

– Это Пальчик всех заставляет... – пробормотал Корнелий. И тоже стал смотреть под ноги.

– Нет, – вздохнул Альбин. – Все какие-то... Если бы Пальчик подевался куда-нибудь, они бы другого нашли.

Альбин говорил «они», как бы отделяя Корнелия от остальных, от класса. И Корнелий радовался этому, хотя от стыда покалывало щеки.

Значит, Альбин понимал, что он, Корнелий, зла ему не хотел? Может, и не помнил даже, как Дыня вместе с другими потешался над новичком? Нет, помнил, конечно, только чувствовал, что Корнелий тянется за другими от собственной беспомощности.

Альбин вдруг запрыгал на одной ноге, а другую поджал, отколупывая от босой ступни вдавившийся камешек. Потом быстро глянул на Корнелия из-за голого коричневого плеча.

Корнелий насупленно сказал:

– Ты теперь уже не вернешься в колледж, да?

– Почему же? – Альбин встал на обе ноги, наклонил голову набок. – Я вернусь. Только... я теперь так им не дам с собой. Я тогда не знал, а теперь знаю.

– Что знаешь? – Корнелий опять почему-то смутился.

– Как жить знаю, – просто ответил Альбин. – Я решил.

Он был вроде бы и прежний Альбин, и в то же время другой. Без вечного ожидания опасности в глазах. Веселый. Открытый.

Он бегал босиком, все в тех же штанах с пуговицами на животе и без карманов, но рубашку не надевал, лямки на голом теле. А на ляжке – все тот же синий значок. Откуда и зачем этот значок, Альбина не спрашивали – «оло» есть «оло». Волосы у Альбина выцвели и отросли, сам он стал выше и еще тоньше, ловкий, быстрый, загорелый.

Когда первый раз пошли вместе купаться и Альбин, дернув плечами, сбросил лямки, Корнелий засмеялся:

– У тебя буквы на спине и на пузе...

Незагорелые следы от матерчатых полосок и в самом деле были как буквы: на спине «Х», спереди – «Н».

Засмеялся и Альбин:

– Ну да! Я их нарочно загаром не закрашиваю! Потому что это мои инициалы.

– Как это?

– Ну, первые буквы имени и фамилии. Если латинским шрифтом...

– Но у тебя же первая – А...

– Не-е... Произносится будто А, но пишется... вот так! – Он присел и пальцем на сыром песке у воды вывел:

HALBIEN ХОТО

«Вот почему – Хальк», – запоздало догадался Корнелий.

А коричневый Альбин (Алька, Халька, Хальк) отступил в озеро и, выгнувшись, нырнул спиной. Только ноги мелькнули...

...Старший инспектор Альбин Мук все говорил, говорил. Про жену рассказывал, про службу в линейном уланском корпусе («Ну, а дальше-то что? Торчу вот тут теперь. А зачем все?»). Корнелий кивал, иногда перебивал, отвечал шумно, пытался рассказать про Клавдию: она каждый год развлекается на Побережье, а он света белого не видит, вкалывает, чтобы дом был как у людей. Вот пускай теперь покрутится одна.

Они подливали друг другу, звякали заляпанными стаканами, плакались, а позади этой пьяной мути, позади притихшего, но неусыпного страха в памяти Корнелия разворачивались ясные и подробные воспоминания.

...Был потом еще один разговор о латинских буквах... Вообще-то книг с латинским и славянским написанием выходило мало, обучение в школе шло на основе современной линейной печати. Но старые шрифты знать полагалось, их учили на уроках истории и чтения. А у Альбина, видно, была какая-то особенная привязанность к старине...

Однажды они сидели вдвоем на недостроенных дощатых мостках лодочного пирса. День стоял нежаркий, был уже конец августа. Стеклянно шелестели стрекозы, искрились крылья. Пахло свежими стружками, они желтели среди примятой травы. Пирс тянулся от прибрежной улицы, через пляж, и кончался над водой. Корнелий и Альбин сидели ближе к улице, где песка еще не было, а росли подорожники, кашка и одуванчики.

Просто так сидели. Ласково, без прежней жгучести, солнце грело плечи. Альбин дотянулся ногой до крупного, как электролампочка, пушистого одуванчика, уцепил пальцами и дернул стебель. Взял в руку, подержал перед лицом. Корнелий не удержался – сунулся и дунул. Альбин засмеялся, щелкнул его стеблем по носу. «Парашютики» медленно плыли в безветрии. Альбин оторвал облетевшую головку, растянул стебель в прямую линию, глянул сквозь него, как сквозь тонкий-тонкий телескоп, вверх.

– Неужели что-то видно? – лениво спросил Корнелий.

– Не-а... Соку внутри много. А вообще-то, говорят, если в очень тонкую трубку смотреть, можно увидеть в дневном небе звезду.

– Ты видел?

– Нет, – вздохнул Альбин. – Я пробовал. Взял макарону, совсем прямую, и глядел, глядел в небо. Оно там, в маленьком кружочке, совсем темно-синее, потому что солнечный свет в трубку не попадает... И наверно, звезду можно было увидеть, просто она не попалась...

– А зачем это? – сказал Корнелий. Получилось глупо, со скучным зевком.

Альбин глянул удивленно и даже чуть обиженно. Повел шоколадным плечом.

– Ну, интересно же.

Они были к тому времени крепко дружны. Корнелий ревниво и чутко переживал, если случалась хотя бы чуть заметная размолвка или даже просто намек на непонимание. До той поры не дарила судьба Корнелию настоящего друга, с которым всегда можно быть равным и откровенным. А тут – такая вот радость: Альбин, Алька, Хальк... По вечерам, в постели, Корнелий порой утыкался в подушку, замирал от теплой радости, что завтра опять увидит Альбина... На пластмассовой ручке складного ножа (подарок отца) Корнелий выцарапал иероглиф – сплетенные инициалы Альбина Ксото:

Н

Х

Он сделал это украдкой, томясь непонятным смущением, и потом ножик никому не показывал...

Сейчас Корнелий вмиг встревожился, что Альбин заподозрит его в равнодушии к звездам. Что появится в их дружбе трещинка. Он поспешно сказал:

– Это, конечно, интересно. Только в трубку ведь можно всего одну звездочку увидеть, а это... ну, она будто потерянная, оторванная от остальных.

И не знаешь, чья она. По-моему, когда ночью на созвездия смотришь, как-то интереснее. Я тогда еще всякие опыты делаю.

Капельки обиды растаяли в глазах Альбина.

– А что за опыты?

Стараясь откровенностью совсем загладить свой промах, Корнелий признался:

– Я иногда ночью на подоконник сяду и смотрю. И всякие знакомые созвездия, Медведицу там и другие, будто разбираю на части и новые строю, по-своему. Например, старинный Паровоз или Дон-Кихот и мельница...

Боже мой, ведь в самом деле было такое! И на звезды смотрел, и строил созвездия, и рассказывал об этом лучшему на свете другу. И стояло доброе ко всем людям лето, искрилось озеро, звенели стрекозы... Где это все? Почему вокруг грязно-белые стены тюремной конторы и мутно глядящий, слезливо потрошащий свое бытие старший инспектор Мук? Он, икнув, говорит:

– Я тогда и плюнул: «А пошла ты, говорю, знаешь куда...» Слышь, дружище, давай еще по вот столько...

Альбин (не этот, с бесцветной рожей и прилипшей к подбородку морской капустой, а настоящий) слушал про созвездия, не мигая. И Корнелий, радостный от его внимания, торопился рассказать дальше (теперь ему вспоминается, что на губах даже лопались пузырьки):

– Я, когда придумаю новое созвездие, сразу между звездами как бы струны натягиваю. Ну, чтобы контур получился, рисунок. И они будто на самом деле есть, эти струны. Натянутые в космосе. Черные, невидимые, и дрожат все время. И по ним от звезды к звезде можно путешествовать на звездолете. Он будто надевается на эту струну, и в нем от ее дрожания – энергия. И можно скользить, как по проволоке... Ну, знаешь, если на тугую нитку бусину наденешь, она ведь тоже двигается, когда нитка вибрирует... Видел? – Корнелий облизал губы и передохнул.

В глазах Альбина светилось понимание. И нетерпеливое желание что-то добавить. Пока Корнелий говорил, Альбин кивал, щелкал себя стебельком по коленке и приоткрывал рот, словно собирался перебить. А сейчас быстро сказал:

– Я знаю, я тоже про это думал: про линии между звездами. Только у меня это не струны, а грани зеркал...

Корнелий заморгал, стараясь понять.

Альбин проговорил уже спокойнее, но непонятно – будто не Корнелию, а себе одному:

– Черные зеркала пространств... – Потом опять быстро глянул на Корнелия: – Ну вот, представь. Каждое созвездие – это будто рамка для громадного зеркала. И они – эти созвездия и зеркала – в космосе по-всякому пересекаются... – Он поднял прямые твердые ладони, так и этак стыкуя их ребрами. – Понял?.. А линия между звездами – это как раз стык таких зеркал...

Корнелий уже начал ухватывать суть, но Альбин постарался объяснить еще нагляднее. Он прыгнул с мостика и поднял из травы два крупных осколка оконного стекла (наверное, этими стеклами строители зачищали для пущей гладкости деревянную мачту у края пирса).

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/gusi-gusi-ga-ga-ga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)